

Афанасий Полушкин

Василий Срепенский

ЙЕСТЕРДЭЙ
YESTERDAY

РОМАН

Афанасий Полушкин Василий Сретенский Йестердэй

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816665*

Аннотация

Действие происходит в наши дни, в Москве и придуманном подмосковном городке Ямки, а также в культурологическом пространстве древних мифов. Главный герой – журналист-фрилансер Афанасий Полушкин (Пол) – переживает неурядицы в семье в работе, связанные с его психологическим состоянием, постепенной утратой прежних ориентиров. В этот момент к нему обращается молодая девушка (Арина), дочь его одноклассницы, с просьбой найти пропавшую мать. Отец Арины намекнул, что ее мать, возможно, ушла к одному из старых школьных друзей Пола.

Содержание

Необходимое предисловие	4
Часть первая	8
Цвет кассеты – черный	8
[Из файлов Василия Сретенского]	17
Кассета 2. Цвет черный	26
Что мы знаем о Лешке	33
Кассета 3. Цвет – черный	40
Что я помню о Лешке Сербове	46
[Из файлов Василия Сретенского]	58
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Василий Сретенский, Афанасий Полушкин Йестердэй

Необходимое предисловие

Эта книга не была бы написана, если бы один мой знакомый не прислал мне, то ли по ошибке, то ли намеренно, чуть ли не все файлы со своего компьютера, а другой не всучил что-то вроде дневника, который он вел в течение нескольких недель летом 2008 года.

Дневник – слово не совсем подходящее. Еще менее подходит слово «записки». Наиболее точно определил этот жанр один литературный критик, представляя ныне забытую книгу: «бормотание главного героя просто так, ни о чем».

Автора этого «дневника», я знаю и недолюбливаю уже лет двадцать пять.

Впрочем, оба эти утверждения: и «знаю», и «недолюбливаю» относительны. Мне всегда казались, по меньшей мере, странными его бесцеремонность по отношению к друзьям и, в особенности, к их вещам; демонстративная дружба с чужими детьми и домашними животными (при отсутствии собственных); умение вести задушевные беседы с совершен-

но незнакомыми людьми. Да, мы кивали друг другу в студенческие годы, попадая в одну кампанию, с периодичностью раз в полгода и даже пару месяцев работали сторожами в одной бригаде, но в разные дни. Охраняли мы консерваторию. Только не спрашивайте от кого.

Учились, кстати, на разных факультетах одного университета. Он – на журналиста, я на историка. Только не спрашивайте зачем.

А в следующие двадцать лет мне вполне успешно удавалось не встречать его у общих знакомых и не брать в руки те сорок с лишним периодических изданий, в которых этот мой знакомый размещал свои, с позволения сказать, статьи. И я не считаю, что прожил эти двадцать лет зря.

Имя и фамилия этого моего знакомого стоят на обложке книги: Афанасий Полушкин. Сам же он везде, кроме военкомата и нескольких отделений милиции, отзывался исключительно на имя Пол.

Эта информация приводится здесь только для того, чтобы не возникало путаницы по поводу авторства всего того, что помещено ниже. Дело в том, что примерно год назад я имел сомнительное удовольствие беседовать с Поллом, причем дважды.

Первый раз он заявился ко мне домой на взводе, без звонка, с молоденькой девушкой. Девушка была симпатичная. Все остальное – просто отвратительно. Он требовал выдать ему «файлы Сретенского».

Василий Михайлович Сретенский (его имя тоже стоит на обложке), историк и мой коллега, некоторое время назад скончался при не вполне выясненных обстоятельствах. Перед смертью он передал мне материалы научного и биографического характера. Часть из них позднее, при моем скромном участии, была издана под названием «Отчет», что, видимо, привело моего незваного гостя к выводу о какой-то чрезвычайной важности материалов, оставшихся неопубликованными.

Каково содержание так называемых «утаенных файлов» и зачем они понадобилось небритому журналисту и его молодой спутнице, будет ясно из представленного ниже текста. Материалы я им, конечно же, отдал. Причины их держать у себя не было никаких. И незачем было так кричать.

Вторая встреча была совсем короткой. Он позвонил, зашел. Трезвый. Плюхнув на мой кухонный стол пластиковый мешок, в котором я впоследствии обнаружил двадцать три пронумерованные диктофонные кассеты разного цвета, Пол пробормотал что-то о том, что хочет покинуть Москву. Потом, видимо, вспомнив, как прошла предыдущая встреча, он произнес фразу, слегка напоминающую извинения сержанта милиции, наступившего на ногу бомжу. После этого он попытался попроситься и уйти. Второе у него получилось.

Кассеты остались у меня. Видимо, Полу показалось что, подкинув мне свою историю, он сделает доброе дело.

Ну-ну.

Почему, спросите вы, я не отправил эти кассеты прямо в мусорный бак или в интернет, а расшифровал их, скомпоновал в нечто читаемое, прилепил самое бестолковое название, какое только смог придумать и понес в издательство?

Позвольте ответить Вам вопросом на вопрос. А почему Вы купили (взяли в библиотеке, у друзей, нагнулись и подняли с тротуара) эту книгу?

Вот и я также.

февраля 2010 К. А. С. 5

Часть первая

«Следует знать, что каждый человек обладает «я» в пяти смыслах. Первое «я» – общее с камнем, и это есть сущность. Второе – общее с растением, и это есть рост. Третье – общее с животными, и это есть восприятие. Четвертое, объединяющее всех людей, – это общая человеческая природа. Пятое «я» принадлежит лишь ему одному, и это есть личность – как в смысле ее достоинства, так и в смысле ее случайности».

Генрих Сузо. Книга Истины.

Цвет кассеты – черный

Стол. Ну, какой... обычный, деревянный с потрескавшимся темным лаком. След от утюга на нем. Еще пятно светлое, в разводах. На углу скатерка застиранная. На ней водки бутылка, рюмки, стаканы, одинаковых нет. Капуста в миске. Квашенная. Грибочки. Сковорода жареной картошки. Тарелки, миски. Двое сидят за столом, остальные столпились рядом.

Тот, что сидит справа – хитрый донельзя. Взгляд пронзительный, рожа небритая, рот слегка на сторону. Слушает, не верит. Одет, как и те, что вокруг, во что-то такое, в чем обычно дают интервью московским тележурналистам россияне,

у которых опять кончился водопровод и прорвало электричество. Ну, фуфайка на молнии. Пиджак по моде 60-х годов, мал на три размера. Штаны рабочие, упертые с какого-то производства лет десять назад. Ботинки. Кажется. Рядом с ним женщина неопределяемого возраста, в кофте и юбке, то ли с сыном, то ли с внуком на коленях. Из-за спины выглядывают его родственники или соседи.

Тот, что слева, он еще хитрее, но выглядит добрым малым. Выпил рюмочку, тянется к грибам вилкой без одного зуба, а сам что-то втолковывает всем, кто собрался возле стола. Прическа – коленка, зато есть короткая ухоженная борода. Костюм очень дорогой, но мятый, галстука нет, рубашка, явно в Лондоне купленная, расстегнута на четыре пуговицы. Волосы на груди пышно разрослись. Чуть выше ботинок, сшитых вручную, вместо носков прямо-таки шерсть.

Все это легко разглядеть, потому что он сидит в пол-оборота ко всем остальным, слегка развалившись на стуле, крякнувшем под ним, видимо, уже не раз. Свет – параболой, из окошка в верхнем левом углу, по лысине, белой рубашке, по вилке, ломаясь в бутылке и рюмках, перескакивает на слушателей, дробясь на их красных, то ли от смеха, то ли от водки лицах.

Картина называется «Банкир в гостях у крестьянина». Автор – Сербов Алексей Игоревич или Леха Серб.

Я люблюсь на дорожный плакат с постером картины, слушаю гудки объезжающих меня в страшной давке водил. Ком-

ментарии их я не слышу. Не слышу. Все знаю сам. Черт меня дернул с умом и талантом забраться на эту галеру. Вот первая и последняя мысль этих сорока минут. Знал же я, что улица Штаба Революции – это ловушка, но все равно поехал по всем ее рывтинам в обход пробки на Ленинградке. Вот моя Буренка и сдохла. Кормилица, клинвышыбать! Стала чуть не боком под плакатом Лехи Серба: любуйся Пол, жди аварийку. Вот жду. И нечего гундеть над ухом, все там будем.

Ну, хоть мобильник ожил. Аварийка? Нет, Женька Тихоньякая, моя однокурсница, сейчас – редактор журнала «Фигура».

– Привет старый. Где дымишь?

– Сейчас или вообще?

– Сейчас. Я ж по работе.

– В Ямки еду.

– Опять с Ленкой поругался?

– Я не ругался.

– Ладно. Ваши дела. Ты мне нужен. Знаешь такого художника Алексея Сербова?

– А то. Я учился с ним в одном классе.

– Ну, я так и думала. Слушай, а есть в городе хоть один урод, с которым ты не учился в школе; не работал в цехе разлива конька или в типографии; не служил в Красной Армии; не ездил в командировку или, в крайнем случае, не пил водку в 1984 году в Риге на первомайской демонстрации?

– Можешь не верить, но я учился с ним в Ямках, в школе номер три. А с его женой я вообще сидел за одной партой весь четвертый класс, пока не заехал ей портфелем по голове.

– Пол, по нашим сведениям у него нет жены.

– «Если у человека чего нет в настоящей момент, то из этого не вытекает с неизбежностью, что у него чего-то никогда не было». Горгий, учитель Антисфена. По моим сведениям у меня больше нет машины, но всего полчаса назад она у меня была. Теперь возьмем тебя. Когда-то ...

– Табу Пол. Меня мы брать не будем. Мы возьмем твоего уroda. Точнее ты возьмешь его в оборот. У него через десять дней открывается выставка. Обещает стать гвоздем сезона. Свежий взгляд, новое имя и остальная дребедень. Нам нужна статья о Сербове, а лучше интервью с ним. А этот...

– Урод...

– ... не отвечает на звонки, не сует носа из дома, не появился на презентации выставки и ни один...

– Урод...

– ... о нем толком ничего не знает. Кроме тебя конечно.

– Когда нужна статья?

– Завтра.

–

– Через два дня.

– ...

– Через неделю. Но это уже поздно. Это мы уже к только

к закрытию выставки успеем.

– Ну, жди.

Только, Пол... портвейном по скатерти растекаться не нужно. Организуй что-нибудь короткое, емкое, энергичное...

– ...оригинальное, захватывающее и желательно гениальное.

– Ну, ты понял. А с Ленкой помирись.

– Да не ругался я.

– Ну, давай.

[пауза]

Ага. Вот и аварийка.

[пауза]

Итак, жизнь пошла раком. Нет, не в смысле позиции, а в смысле диспозиции. Назад она пошла. Попятилась, клинвышибать. Отматываем пленку к началу: я снова в Ямках, в родительской однокомнатной квартире, один. Буренка на стоянке, откуда ей, похоже, один путь – на кладбище. Значит надо ходить пешком. Работы толковой нет, если не считать таковой одну авторскую колонку в неделю в журнале для тех, кто когда-то умел читать между строк, и куски со столов редакторов глянцевого издания. Зато много свободного време-

ни.

Как говаривал мой учитель ремеслу журналиста, ответственной секретарь районной газеты «Вперед» Федор Поликарпыч Мендякин: «Условия запить лет на пять». Произносил он это как скороговорку с ударением в «запить» на «а». Впрочем, сам он дольше, чем на пять дней, в запой не уходил, очень был ответственный человек, боялся подвести коллектив.

Мне бояться нечего, все коллективы, которые я мог бы подвести, за последние тридцать лет, я уже подвел. Теперь имею дело только с индивидуумами, которые подводят меня, в той же степени и с той же периодичностью, что и я их.

Но.

В запой я не хочу. Не потому что не позволяют здоровье, финансовое состояние или, Боже упаси, нравственные принципы.

Потому что не хочу.

Жекино предложение тут очень кстати. Колонку мне сдавать через три дня, других обязательств нет. Займусь Лехой Сербом: и Женьке помогу, и гонорар, какой-никакой... И, главное, не надо будет все эти три дня думать о том, что же у нас с Ленкой происходит, и почему я от родной жены в Ямки сбежал.

Кстати. Жека могла бы стать моей женой. На первом курсе журфака мы были вместе двадцать часов в сутки. Я стал почти что другом дома. Она жила на Тверской, ну, Горького

тогда. Родители папа-дирижер и мама-певица, подкинули ее бабке, а сами мотались по гастролям.

Бабулька, старая гримза дворянских кровей, нравилась мне чрезвычайно. Больше чем Жека, как я понял потом. Русский язык я выучил не в школе и не в университете, а в разговорах с Софьей Евгеньевной, долгими вечерами, за чашечкой чая, а то и рюмочкой наливки. Ну, мне то было на пользу, а Жеке воспитание в старинном стиле далось не просто. Она бабушку тихо ненавидела за имя Эжени, произносимое той с невероятным прононсом и за то, что все уличные слова, приносимые Жекой в дом с пятилетнего возраста, Софья Евгеньевна вымывала у нее изо рта с мылом.

С тех пор даже просто вульгарные выражения вызывали в девушке полное оцепенение. И что ей было делать, когда она, поступив на журфак, попала в среду, где слово «пожалуйста» считалось ненормативным, а выражение «опа» – редуцированным от сами знаете чего? Девушка впадала в мыльный штопор каждый раз, когда к ней обращались с фразой: (Далее несколько слов – неразборчиво. Составитель).

Все экзамены она сдавала исключительно на «пять», но любая практика превращалась в путешествие жены Лота по местам боев славной дружины архангела Михаила. И кто же ей (Жеке, жена Лота могла идти дальше) помог остаться в профессии? Ну? С трех раз? Пол, лучший друг семьи. Беседуя с Жекой между поцелуями, а с Софьей Евгеньевной по ходу употребления наливки, я выяснил, что слово «урод»

никогда прежде не звучало в стенах дома на Тверской (Горького) а, значит, не было вымываемо мылом из детского рта.

С тех пор «урод» – ключевое слово в Женькином лексиконе, профессионалы ее уважают за собственный стиль в общении, а сама она – мой друг навсегда. А друг, потому что наша с ней любовь на второй курс не перешла. Так как осталась на первом курсе.

Но, между прочим, ко времени моей влюбленности в Жеку относится один из самых моих романтических поступков...

Кстати. Что за бредовый оборот «ко времени относится». Кто-то что-то ко времени относит? Или что-то во времени носится? А если носится, то, как пес за консервной банкой, пущенной в поле случайным прохожим или как джинсовая мини-юбка на... Стоп.

[пауза]

Долой романтику. Тут меня накрыла одна мысль: буду держать диктофон включенным. Дня три. Буду комментировать свою жизнь шаг за шагом, что бы ни происходило. Такое реалити-шоу для одного. А что, диктофон у меня на ходу, кассет к нему Зуева гора.

Зуй, кстати, это отсюда, из Ямок, из детства. Мы его с Васькой Сретенским придумали вместе, как персонаж нашей общей жизни. Ну и кучу выражений с ним, воде: «А Зуй его

знает» или «Да шел бы ты...»

[пауза]

Только что был парный звонок. В смысле, парой к Жекиному. У меня в жизни такие парные события случаются часто. Только думаешь, к примеру, что неплохо бы пива выпить, как тут же является некто, вида незнаемого, но с ящиком пива. Или после встречи с ДПС сразу звонок на мобильный с предложением подработать. Так и здесь. Позвонила девушка (по голосу судя), назвалась Ариной Сербовой, дочкой Лехи Серба. У нее дело. Ко мне. Ну, какое... Какая ж девица способна внятно по телефону незнакомому человеку объяснить, что ей нужно. Она ж не может рассказывать вообще. Ей же нужно точно знать, какая интонация подойдет к ее прическе, макияжу, туфлям и освещению. Договорились завтра встретиться в полдень, в кафе на Пушкинской. И как я интересно теперь туда попаду? Буренка-то уперлась рогом в улицу Штаба Революции.

А мысль о пиве приходила не случайно. Нет, ну так ли сжак ли, а переезд, потерю Буренки и начало новой работы должны быть обмыты. Пивом, только пивом...

[Из файлов Василия Сретенского]

Ямки

Исторический очерк.

<Черновик>

История местности, расположенной к северу-западу от границ современной Москвы и именуемой «Ямки», никогда прежде не вызывала интереса профессиональных историков. Что правильно. Историк всегда и везде стремиться к обобщению. В Ямках же обобщать нечего. Над этим

<тщательным образом>

поработали властители Москвы разных веков. Тем не менее, краеведы, известные своей способностью проникать в самые мелкие щели, вовремя не заделанные Историей, и вытаскивать оттуда сухие крошки событий, накопили

<накопили?>

некоторое количество фактов, дающих представление, о том, как и когда из лесов, полей и мхов явился миру город и райцентр Ямки.

В исторической
<краеведческой?>

литературе выдвинуты три гипотезы происхождения топонима Ямки.

Первая версия, наиболее распространенная

<в наше время>

, связана с тем, что в древности места к северу от реки Москвы были сильно заболочены. Добывая так называемое болотное железо, местные жители оставили много ям разного диаметра и глубины вдоль небольшой речушки, быстро эти ямы заполнившей. Вятичи

<а может быть, кривичи?>

, вышедшие к этим местам в VIII веке нашей эры, стали именовать речушку Ямки, а по ней и всю округу. Объяснение добросовестное и скучное.

Версия вторая менее достоверна, поскольку источники, на которые ссылаются ее сторонники, давно утрачены. В черновиках к «Истории государства Российского» Карамзина содержится указание на то, что до середины XI века в этих местах обитало небольшое финно-угорское племя ямь. Вождь этого племени Добросед, в 1120 или 1121 году признал над собой и «всей Ямью» власть Владимира Мономаха. Одновременно ямцы

<яминцы? ямины?>

отказались от веры в своих богов, главным из которых были: бог ветра Йама (другие его имена: Юмо, Илма, Емал и Илмаа) и богиня весны Ринанейда (она же – мать ветра Вармаава у соседней мордвы).

Крестились ямины

<ямцы?>

, все как один, первого июля, что можно утверждать с достаточной степенью вероятности, поскольку покровителями Ями стали Козьма и Дамиан. Что, впрочем, на пользу им не пошло.

После смерти Мономаха места эти, «тянувшие» к Ростову и Суздалью, отошли под власть его сына Юрия

<Георгия>

, прозванного Долгоруким за неумную страсть к захватам чужих земель.

В другом месте у того же автора, мы находим фразу о том, что последний отпрыск дома Доброседа, его внучка

<?>

, в святом крещении принявшая имя Ирина, вышла замуж за «одного из витязей дружины Долгорукого», боярина Кучку. Этот самый боярин Кучка, поселившись на берегу реки Москвы, правил землями Долгорукого населенными как ямью, так и вятичами

<кривичами?>

, «честно и верно» много лет.

И вот уже в бумагах Василия Татищева мы встречаем красивую

<печальную?>

легенду о Кучке и его жене Ирине. Она, судя по всему, была женщиной необыкновенной. Не очень понятно, чем, но даже после рождения двух сыновей, она притягивала к себе мужчин, как фонарик мошкарю. Толстый жук Долгорукий

всех мошек поразогнал, Кучку с семьей вызвал к себе в Ростов и недвусмысленно дал понять, что благополучие боярина и его присных зависит от того, кому фонарик будет светить. Кучка тайно покинул город, вернулся к себе в Кучково поле на берег Москвы, где и был настигнут Долгоруким и его «детскими», то есть пьяноватой и хамоватой младшей дружиной.

Далее произошли всем известные события. Кучку князь Ростовский казнил

<убил>

, Ирину взял себе в наложницы, сыновей ее растил как своих, а дочь Кучки от первого брака выдал замуж за своего сына Андрея

<Боголюбского>

Кучково поле князь пожег, приказал рядом построить свой княжий замок Москов, а народ ямь, в реформаторском порыве, истребил, всех до единого. Земли же вдоль берегов реки Ямки князь забрал себе под «ловы». Страсть к охоте стояла у Юрия на втором месте, сразу после желания овладеть Киевом и перед пирами. Вот на Ямках он зайцев и гонял.

Впрочем, есть и третья версия, более прозаическая. В XV веке государь всея Руси и великий князь московский Иван III, добившись независимости от Орды и мимоходом присоединив к своим землям Тверское княжество, начал создание регулярной почты с организации станом – мест, где можно

было сменить лошадей. Стан, или станция – это по-русски. А тюркское

<монгольское?>

наименование – ям. Отсюда и прозвание кучеров почтовых экипажей – ямщики. Одна такая станция на дороге из Москвы в Тверь была размещена в местечке с самым подходящим названием

<обозначением>

– Черная грязь – у реки Востокни. А рядом – ямская слобода или в просторечье «Ямки».

<Вставка. Название «Черная грязь» появилось не случайно. В 1490-м году приехал в Россию «посол Николай, от римского цесаря Федерика». Встречали посла бояре и дьяки в одном конном перегоне от Москвы, чуть далее села Космодемьянского, то есть в самых, что ни на есть Ямках. И при встрече все до единого, что посол со свитой, что встречающие, перемазались в какой-то особо липкой грязи повыше колен.>

Первое исторически достоверное сообщение о Ямках относится к 1585 году. Боярин Борис Годунов приобрел в собственность у некоего Степана Чубарова, как читаем в купчей: «село Козмодемьянское, тож Ямское, тож Кузьминки, на реке Ямке, а в нем храм во имя Козьмы и Дамиана».

Идем далее. В Смутное время, а точнее в 1608 году, вой-

ска Лжедмитрия Второго, двигаясь из Северских

<ныне – украинских>

земель в обход Москвы, вышли к Ямкам, где их встретили полки царя Василия Шуйского. Сражение не принесло успеха ни одной из сторон. Царские войска, подбрав

<побросав?>

раненых, ушли к Москве. Самозванец стал лагерем в Тушино, заслужив тем самым прозвание Тушинского Вора. Поляки, сопровождавшие

<сторожившие?>

Лжедмитрия, двинулись осаждать Троицкий монастырь. Ямки остались ничьей землей, выпав из героической истории нашей родины на два века.

Два века прошли быстро.

Осенью 1812 года русские солдаты из отряда генерала Винценгероде сражались здесь с французскими – из корпуса маршала Нея. Не то чтобы французы еще надеялись что-нибудь в этих краях завоевать. Просто им очень хотелось есть. Когда не найдя ничего сколько-нибудь съедобного, супостаты

<несчастные>

двинулись вспять по Старой смоленской дороге, выяснилось, что помимо села Козмодемьянского (Кузьминки тож) они разграбили и сожгли еще пять соседних деревень: Черную грязь, Кобылью лужу, Овражки, Козлище и Иваново-

во-Лобаново. Ничего удивительного. За двести лет до этого поляки сделали тоже самое и в той же последовательности.

<Вставка. Немцы, в 1941 году собирались восстановить традицию, но роту мотопехоты, прорвавшуюся по Ленинградскому шоссе, уничтожили зенитчики, охранявшие мост через канал Волга-Москва, а основные силы захватчиков притормозили где-то под Крюковым.>

Впрочем, нам необходимо вернуться в XIX век. После открытия регулярного сообщения по Санкт-Петербургскому тракту в московском обществе сложился следующий порядок отъезда из старой столицы в новую:

8 часов утра. Выезд из дома с друзьями и родственниками. Общий поклон дворни. Слезы и причитания. Наставления остающимся, посиделки «на дорожку» и прочие обязательные обряды.

10 часов утра. Завтрак в Яре, цыгане, шампанское. Друзья и родственники, занятые по службе, отбывают обратно в Москву.

2 часа пополудни. Обед в Кузьминском (Ямки и Козмодемьянское тож), прогулка по левому берегу реки Ямки, шампанское. Друзья и родственники не занятые на службе, немного отдохнув, начинают прощаться.

5 часов пополудни. Шампанское или пунш в селе Черная грязь. В зимнее время – жженка. Последние обнаруженные друзья и родственники отправлены в Москву багажом.

И вот, знаменательный момент: 1 ноября 1851 года на правом берегу реки Ямки была открыта станция Николаевской железной дороги – Ямки. Одновременно в этих местах появились первые дачники. Вот тогда-то крестьяне Овражек и Козлиц получили, наконец, компенсацию за все безобразия поляков и французов. Дело дошло до того, что в 1907 году архитектор Шехтель, отец русского модерна, выстроил в Козмодемьянском загородный дом купцу Патрикееву. Ныне этот дом – единственная достопримечательность Ямок, если не считать таковой огромную каменную голову, с характерным прищуром наблюдающую за автомобильным движением на площади перед городской администрацией.

<Вставка. Кстати, первый владелец головы, распорядившись превратить дом купца в санаторий, с удовольствием приезжал туда подлечиться и отдохнуть. Чем в это время занимался прежний владелец дома, установить не удалось>

В революционном движении начала XX века ямцы-кузьминцы не отметились, резонно полагая, что революция и дачники – две вещи несовместные. Им хотелось побольше дачников, покупающих по утрам молоко и сметану, но революция рассудила иначе.

К 1930-м годам Ямки запустели в четвертый раз за о́зримый период истории. Дачники давно уже работали таксистами в Париже и проститутками в Берлине. Те, кто когда-то

поставлял им морковку яйца, и творог, ехали в теплушках в Сибирь или подались в рабочие. Вот тогда-то было принято мудрое решение поставить на станции Ямки бараки, завести по железной дороге побольше рабсилы и построить тут три завода: авиационный (Зенит), авиационный (Восток), ну и авиационный (Гранит).

Два станционных дома красного кирпича, две улицы: Кузьминская (от железнодорожной станции до Космодемьянской церкви и санатория) и Царская (от станции же к Ленинградскому тогда уже шоссе) с их 43 домами, а также 17 новеньких бараков были объявлены городом и райцентром Ямки.

В те же самые годы по руслу реки Ямки, согнанные со всех концов арестанты

<заключенные, зэки, враги народа, несчастные>

прорыли мотыгами и лопатами канал, начало которого было помечено каменным кумиром, а конец – речным портом. Так тогдашний властитель Москвы довершил дело, начатое Юрием Долгоруким,

<бронзовый?>

кумир которого, в свою очередь, был торжественно воздвигнут в самом центре Москвы...

[На этом записи Василия Сретенского обрываются. Очерк остался незаконченным]

Кассета 2. Цвет черный

Кх... Кха... Кхм... Нннрррр... Нет, потом.

[пауза]

Ну, так. Надо что-нибудь выпить. В смысле, чаю попить.

Поговорил я с дочкой Лехи Серба. С диктофоном какая-то незадача вышла: то ли не включился, то ли батарейка села, хотя нет, сейчас-то работает. А в кафе машинка не включилась, так что придется пересказывать весь разговор своими словами.

Я пришел, сел за столик, настроился на три стакана сока. Первый выпил залпом, второй и третий решил тянуть. Она пришла уже на втором. Ну, какая... Чуть ниже меня, стройная. Лет ей двадцать, может, двадцать два. Нет, выглядит совсем молодо, но порывистости в движениях уже нет. Не ребенок, знает свою силу и может ее рассчитать. Волосы темные, стрижка... ассиметричная. Глаза. Темно-коричневые но кажутся совсем... как это... «в соленой пелене два черных солнца». Как-то так.

Она вошла и я подумал: «Вот такая у меня была бы дочь. Если бы была. Если бы...» Ну, дальше додумывать не стал. Зачем.

Интересно, я совсем не помню, как она была одета. Что

на ней было? Джинсы и футболка, платье, деловой костюм? Ведь что-то же должно было быть. Нет, точно, что-то было, такое... бежевое? коричневое? красное? Нет. Не могу вспомнить.

Она меня вычислила сразу, подошла, села, заказала черный чай без ничего. Разговор пошел сам собой, о чем не помню. Я вообще живу глазами и слов собеседников не запоминаю. Если очень нужно – есть диктофон. Вот что я подметил почти сразу: она своеобразно расставляет смысловые акценты. Если надо было что-то усилить во фразе, слегка опускала уголки рта, а глаза уводила вниз и в сторону. Не знаю, как на такую гримаску реагируют другие, я в эти моменты забывал дышать. Даже неудобно пару раз получилось.

И еще. Она напомнила мне Карину, мою одноклассницу, жену Лехи Сербя. Вообще-то, Арина на мать не похожа, а на Леху тем более. Ну, какими я их помню. Черты лица совсем другие. Нос, к примеру, у Карины был тонкий, чуть вздернутый. У Арины пошире и ни намека на курносость. Ямочек на щеках нет. Ну, все не то. Губы. Брови. И в то же время, образ той Карины проступал в жестах, мимике, улыбке... да во всем. Я видел перед собой двух женщин, ту далекую Карину и вот эту – ее дочь.

Но к делу. Когда я включился в смысл ее слов, то уловил, что она добыла мой номер мобильного в редакции и позвонила, потому что вроде как никто другой ее проблемы решить не может. А проблема такая, что ее и проблемой на-

звать неудобно. Это как прийти к кому-нибудь и сказать: понимаешь у меня проблема, я тут случайно узнал, что завтра умру. Короче, художник Алексей Сербов две недели как заперся в мастерской, а это не чулан какой-нибудь, а квартира-студия. Не пьет! Питается, судя по всему, акридами. Никого к себе не пускает, но с кем-то все время разговаривает. А все потому, что две недели назад пропала его жена. Карина. Ушла вечером из дома, не взяв ничего, и не вернулась.

Вот в этом месте я представил себе, что последствия моего удара портфелем сказались через 35 лет. Карина потеряла память и бродит сейчас по улицам мегаполиса (благо лето) в рванном джинсовом костюме и без макияжа.

Пока вытирали разлитый сок, я рассудил, что вряд ли Арина пришла сюда, держа в сумочке дамский револьвер или повестку в суд по иску о возмещении ущерба. Ну, в общем да. В смысле, нет. Оказывается, она несколько раз пыталась вывести отца из состояния льва, рыкающего в пустыне. Больницы и морги обзвонила. С друзьями семьи поговорила. В милицию Леха обращаться запретил, перед тем как скрыться в своей пещере и завалить ее камнями изнутри. Последовательность действий, возможно, была иная, но смысл, как мне кажется, передан точно.

Но вот пару дней назад Алексей Сербов лично отвалил все камни от входа, предстал перед дочерью в облике несвежем, но разумном. И дальше, по словам Арины, начался самый настоящий бред. Будучи в добром здравии и в полной

памяти, отец протянул ей старую фотокарточку, заявив, что жена его ушла к любовнику, настоящему отцу Арины, и потому он, Алексей Сербов, знать ее не хочет.

Тут я должен был спросить. Я и спросил: «Кого – ее»? Оказалось – Арину. Сбрендивший Леха выставил дочь вон из студии, оставив ей старую фотокарточку и посоветовав найти настоящего отца. Но дело в том что...ааа клинвышибать!

[Далее – шесть слов неразборчиво. Составитель]

Заварил чайку! Кружка китайская, фарфоровая, Ленкин подарок на Новый год, в руках лопнула. Весь чай на джинсах и тапках, коленки обваренные, теперь, наверное, в темноте светиться будут. Хорошо хоть коленки, а если бы я чашку ко рту успел поднести... это куда бы он потек!

Нет, что ни говорите, в китайской экономике что-то не ладно. Темпы темпами, но уж хотя бы фарфор, национальное достояние, можно бы делать настоящий.

[пауза]

Йестердей.

Олл май траблс симд соу фар эвей

Нау ит лукс...

[пауза]

Чё-то гитара сегодня не строит.

[пауза]

Саденли

Айм нот халф зе мэн ай юзд то би-и

Зерез шэдоу хэвинг овер ми-и

О йестердэй

Кам саденли-и

[пауза]

А я ведь съездил к Лехе Сербову. Теперь жалею, что не съездил ему по физиономии. Это ведь что мне пришлось пережить второй раз за день. Вспоминать адрес студии. Стоять ждать маршрутку. А ветер сегодня совсем не летний. Да, спустя полчаса их пришло сразу три, но я-то был в очереди девятым, мне бы хватило и одной. В маршрутке меня, автомобилиста с двадцатилетним стажем, укачало. Все потому, что я никогда в жизни не пробовал давить ногами одновременно на тормоз и на газ. Мне просто в голову такое не приходило. А тут понял, что вон оно как можно ездить. Останавливаться сразу по преодолению звукового барьера.

Ладно. Выбрался из этой компьютерной игры, попал в другую. Метро. Что-то там, в туннеле зависло минут на двадцать. И тут оказалось, что войти в поезд тоже надо уметь. Что-то подобное было со мной года три назад, в Тунисе. Месяц был декабрь, но нам русским людям, что декабрь в Ту-

ниси, что август в Сочи. Затеяли мы с Павликом купаться. Ну, каким Павликом, откуда я знаю, был там такой Павлик сорока двух лет, из Сургута, с таким вот пузом. Мы с ним подружились за час до купания. Павлик у берега плескался в желтоватой пене, а я поплыл. И недолго плыл, минут десять, но когда повернул, то понял, что обратно никак двигаться не удастся. То есть двигаться-то можно, но только в одном направлении – в море. Я-то уже как бы оттуда, а волны – нет. Они все – туда. Одну преодолел, а там еще пятнадцать. Плы-ву-плыву, а все метрах в ста от берега, и вот уже пора тонуть.

Вот и в метро сегодня также. Я только собираюсь войти, а все уже там и «осторожно двери закрываются». Я следующего поезда дождался, а вокруг опять толпа и опять каждый на полшага быстрее. Тогда в Тунисе Павлик меня на берег вытащил, героя драного. А сегодня точно такой же павлик за шиворот в пятый по счету поезд вытащил. Спасибо тебе добрый человек, не знаю твоего имени-отчества, пахнешь ты сильно, помог.

Дальше – пешком от Белорусского вокзала в дебри Большой Грузинской. Тут свое. Пришлось преодолевать «проклятие четырех машин».

Объясню. Давным-давно, когда я имел машину, я на ней ездил. Ну, такая была привычка. И всегда, и везде при выезде на основную дорогу я должен был дожждаться, пока проедут четыре автомобиля, а потом вырывать. Не три. Не пять. Четыре автомобиля, включая автобусы, автокраны и болиды

«формулы один». И сегодня, переходя через улицу, я каждый раз ждал, пока проедут очередные четыре машины. Во двор к Сербову я зашел, пропустив красный Лексус RX300; девятку, потрепанную жизнью; Вольво S40 с царапиной на боку и (внимание!) маму с мальчиком, тянувшим на веревочке игрушечную машинку.

Ну, в общем, добрался. В лифте не застрял. Квартирu нашел. Позвонил, точнее, потыкал несколько раз пальцем в кнопку, без видимого и слышимого результата. Звонок не работал. На стук никто не отозвался. Но я был к этому готов. Разбег от лифта и прыжок в дверь (во мне 87 килограммов) должного эффекта не дал. С первого раза. А с пятнадцатого дал. Дверь открылась, я влетел в холл. Приземлился удачно, сантиметрах в сорока от противоположной стены, а она, между прочим, в трех метрах от двери.

Леха же, не глядя в мою сторону, закрыл дверь, не отрывая тапочек от паркета, прошуршал в соседнюю комнату, лег на диван прямо в тапочках и отвернулся к стене. «Он лежал без движенья, как будто по тяжелой работе». Кто-то про кого-то так написал. Совсем как про Леху. Работой, правда, здесь не пахло. Ну, в смысле красками. Старыми ботинками пахло. И еще – заплесневевшим хлебом. И никаких тебе холстов, мольбертов, палитр и на чем там еще рисуют. Много пыли и тоски, мало воздуха и света.

Первым и, кстати, последним моим достижением этого вечера, стало открытое окно. Впрочем, нет. В ходе непри-

нужденной светской беседы он произнес две фразы. Но какие! Первая: «У меня нет дочери». Ну, это понятно. Вторая: «Найди Карину и пиши тогда обо мне что хочешь».

Общий итог: я спас звезду андеграунда от кислородного истощения и получил условное благословение на сочинение ее, нет его, ну, в общем, звезды этой, клинвышибать, художественной биографии.

Домой я ехал на машине. Ну, какой... поймал.

[пауза]

Что мы знаем о Лешке

Итак, Алексей Николаевич Сербов. 47 лет. Актуальный художник. Недавно взошедшая звезда современного искусства. Участник множества выставок и этих, как их, биеналок, в стране и за ее рубежом.

Лет до сорока двух о нем вообще никто не знал и не помнил, пока на одной венецианской биеналке он не выставил концептуальный проект «Человечество». Девяносто полотен было развешано в круглом зале на одном уровне, почти стык в стык. Посредине зала был поставлен огромный компас из папье-маше. Стрелка компаса была соединена с прожектором. При желании в зале можно было выключить общий свет и рассматривать экспозицию по одной картине, двигая стрелку компаса. На стенах над уровнем картин были при-

креплены таблички: «Север», «Юг», «Запад», «Восток». Начинать осмотр рекомендовалось с отметки «Запад». Там висел портрет Джорджа Буша младшего, выполненный в стиле «фотореализм». Далее, по часовой стрелке, можно было наблюдать, как на других портретах черты лица Буша искажались, менялись. Лица, похожие друг на друга и в то же время неуловимо отличающиеся, сменяли друг друга, пока на отметке «Север» перед зрителем не представал портрет певицы Бьорк. И так по кругу. Надо ли говорить что под отметкой «Восток» висел портрет ВВП, а строго на Юге – Бен Ладена?

Экспозицию я сам не видел, врать не буду. Но по трем строкам информационного сообщения написал в пять разных журналов уничижительно-восторженные рецензии, воспользовавшись открытым Сербом методом смещения акцентов. Спасибо Леха, подкормил.

Потом был московский проект «Брысь!». Выставка была открыта в большом ангаре. Зрители, входившие в ангар с торца, видели вдали, на противоположной стене, пятнадцать больших, два на два метра, полотен. На каждом – морда кота или кошки разных пород. Ну, кошки и кошки. Были среди пятнадцати симпатичные, были кошмарные. Но стоило зрителям пройти две трети расстояния от входа до стены с картинами, как на них начинали проступать черты самых значимых в современной гламурной тусовке персонажей. Не знаю, как Леха этого добился, но только морды становились как бы прозрачными, а лица зримыми. Выражение лиц впрочем,

полностью соответствовало характеру морд.

Слава омыла Лешины ноги благовониями марки «Поль Готье». За право овладеть портретом кошки Псюши богатыри прямо у стен ангара дрались на мечех-кладенцах. Пластиковых. Но в последний день работы выставки Леха приволок канистру бензина и сжег ангар. Вместе с картинами. Толпа зрителей человек в 40 приветствовала аутодафе редкими криками «Брысь!» и кидала в огонь пустые бутылки.

И вот сейчас художник Алексей Сербов представляет публике новую серию картин, выворачивая наизнанку полотно гениев прошлого. Концепт называется «искусствомира». На афишах это сочетание букв расположено в шести строках. В каждой строке пробел между буквами поставлен в новом месте. Получается так: «и скусствомира», «ис кусствомира»; «искус ствомира» и так далее. Что-то это должно значить. Помимо злополучной картины, под которой моя буренка встала, засопела и сдохла, в эту серию вошли такие Лешины шедевры, как: «Восхищение Европой», «Едоки артишоков», «Аллегория Поляроида», «Игра картой», «Портрет мужчины и женщины в образе женщины и мужчины». Ну и само собой, «Сдача бреда».

Хотя, о чем это я. Сам-то он ничего никому не представляет. Он лежит в мастерской лицом стене, медленно превращаясь в артишок.

[пауза]

Сюжет. Герой – молодой еще человек, лет 30–35. Учился в Москве, потом вернулся к себе в провинциальный город. Сделал там карьеру в филиале крупного банка. Теперь снова в Москве, в головном офисе, средним начальником, но с большими перспективами. За три месяца работы на новом месте успел купить квартиру. В кредит. Сейчас ее отделяет, чтобы перевезти жену и сына.

Лето. Пятница. Начало уикенда. В конторе рабочие разговоры сменяются бытовыми. Все в предчувствии выходных. Герой, назовем его С., обменявшись шутливыми репликами с парой сотрудников, выходит из офиса, садится в Сааб 9–3. Vigen Cabrio, и едет на Юго-Запад, к своему новому дому. По дороге С. останавливается у магазинчика мобильной связи, покупает себе новый телефон, покруче. Вставляет туда старую сим-карту, и из машины говорит с женой. Приезжает, припарковывается между черным Мерседесом С36 AMG и серым Крайслером 30 °С. Выходит, закрывает дверцу, нажимает на кнопку дистанционного замка и машина взрывается. Не его, соседняя, пусть хоть Мерседес, не жалко.

Очнулся С. в травмопункте или больнице. Голова шумит, рука – в повязке, новый костюм в грязи и слегка порван. В пятнадцати местах. А главное – пропала барсетка, которую он держал в руках, когда выходил из машины, и, вместе с ней – документы, ключи от квартиры и новый телефон.

Вечер. Он добирается до дома. Но в квартиру попасть не

может. Строители-мигранты, возившиеся в квартире все эти три месяца, отпросились на выходные. Консьержки в новом доме еще нет. Соседей он не знает. Службу спасения вызвать не может. Телефона нет. Да и кто ему без документов поверит, что квартира его. Жилищная контора закрыта.

Добрые люди подсказывают, где найти слесаря. Тот согласился вскрыть дверь в обмен на часы, с руки С. Хорошие часы, дорогие. Сказал, что пойдет за инструментом, и действительно ушел.

Примерно через час до С. доходит, что его кинули. Обратиться не к кому. Все номера телефонов знакомых и сослуживцев записаны были на сим-карте, он их не помнит. Да и все равно телефона нет. Потом – спасительная мысль. Когда С. учился в институте, он ухаживал за девушкой-однокурсницей. Провожал ее домой: она жила в Сокольниках. От станции метро он дорогу найдет с закрытыми глазами. Но как в Сокольники попасть? В карманах три рубля мелочью.

Пройти в метро без денег не получилось. Навыка московского нет. Да и тетка у турникетов всполошилась, засвистела, милицию вызвала. Он дал деру. Автобус и маршрутки тем более не подходят. Частники от него шарахаются. Да если бы и взял кто, на три рубля далеко не уедешь. Он решает дойти до следующей станции метро пешком, а там повторить попытку.

Вторая попытка тоже неудачная. Поздно. Ночь. Метро закрывается. Тогда он решает идти в Сокольники пешком. Где

находятся станции красной ветки метро, он помнит, вот и пойдет от одной к другой.

Он идет всю ночь. Встречает разных людей. Милиционера, бомбилу, пару пьяных подростков, ребят, катающихся на роликах, проститутку, солидного дядьку, поссорившегося с женой, бомжей. Одни ему помогают: угощают сигаретами и пивом, советуют, как пройти. Другие мешают: показывают не ту дорогу, подвозят, но не туда. Например, в ночной клуб. Или в казино. Приходится возвращаться и опять идти. На Кропоткинскую он попадает три раза, на площадь Трех вокзалов – два. Кто-то из встреченных им «ночных» людей рассказывает свою историю. Все несчастны, конечно. Хотя тут надо подумать.

Раннее утро субботы. Он приходит к пятиэтажке своей однокурсницы. Замок в подъезде сломан, внутри – запах подвала, стены расписаны. Он поднимается на пятый этаж. Звонит, стучит. Никто не открывает. Потом выходит старушка-соседка, говорит, что все уехали на дачу, она где-то недалеко от платформы «Весенняя». Это с Курского вокзала. Кажется.

С. выходит из подъезда, садиться на лавочку или детские качели. В кармане пиджака у него что-то жужжит. Старый телефон, без сим-карты. На светящемся экране – значок смс-сообщения. С. жмет на кнопку. На экране появляется надпись:

ПОЗДРАВЛЯЕМ! ВЫ ПРОШЛИ ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ!

ХОТИТЕ ПРОДОЛЖИТЬ? НАЖМИТЕ КНОПКУ «1».
ВЕРНУТЬСЯ – КНОПКУ «2».

С. тупо жмет на кнопку «2».

Вечер пятницы. Офис банка. Те же люди, те же слова. С. обменивается парой шуток с сотрудниками, выходит из офиса, и садится в Сааб.

Кассета 3. Цвет – черный

Вот что я сейчас подумал: Буренка – моя третья машина и ни одну я не брал новой, прямо с завода. Все с пробегом. И не то чтобы денег не хватало, были деньги временами, даже вспомнить приятно, какие деньги. Не хватило духу новую купить. Это как с женщинами. Ну не было у меня первой счастливой любви, не сложилось. Может, если бы я не шандалахнул тогда Карину портфелем... Нет, я сейчас не о том.

Буренка тоже была в возрасте – пять лет. Но я хорошо знал хозяина, тот был, прямо скажем, не ездок, машину держал на случай перевозки вещей на дачу, зимой на ней не ездил, по городу передвигался на метро. Не ударил ее ни разу. Добрый был. Или ленивый. И пробег-то у нее был всего ничего, тысяч семь.

Я тогда решил, поезжу годика два-три, потом подберу себе что-нибудь покруче, чем восьмерка. Получилось девять лет, почти день в день. И если бы не эта последняя колдобина под Лешкиным щитом, еще полгодика потянули бы. Мы с ней.

А Буренкой я ее на второй год стал называть, когда из тележурналистов ушел в никуда. Посидел, посидел дома, выгреб мелочь из всех карманов, заправил бак и стал бомбить. Вот она у меня кормилицей и стала на полтора года. Деньги небольшие, но ничего другого никак под руку не подворачи-

валось. А может, я и не искал ничего, назло Ленке. Она, тогда, как раз кандидатскую диссертацию защитила. Зато я с людьми общался. С живыми и разными.

Ленка сказала мне как-то, что я живу только за рулем, а на все остальное время «выпадаю из цепочки контактов». Может, так оно и было. Но вот что я сам заметил. Человек, живущий в симбиозе с автомобилем, превращается постепенно в... как его, Зуй... в кентавра. То есть, головой и руками он еще человек, но мысли его все больше о том, что где-то стучит, там, где не надо, что пятно ржавчины на днище образовалось и как бы подковаться по-зимнему. Совершенно утрачивается интерес к одежде. Зачем пиджак и галстук, или там свитер новый, если твой костюм – это твоя машина? Мыслить начинаешь линейно. И все время хочется соревноваться: в скорости, в маневренности, в громкости динамиков – да во всем.

Соревнования-то я все больше проигрывал. Мои однокурсники уже давно пересели, кто на Мазду, кто на Вольво, кто на внедорожник со ступенькой, спутниковой системой навигации и турельным пулеметом на крыше. Я в их кампании походил на маленькую приبلудную собачку на выставке грей-хаундов. Ну, такую, знаете: ножки тоненькие, шерсть торчит во все стороны, морда добрая и голодная. Вроде как стоит рядом, но все время готова юркнуть под куст и прикинуться палой листвой.

Но я ездил! Я мчался! Был кентавром, а не земляным чер-

вяком! А теперь я инвалид, прикованный к двум нижним конечностям, годным лишь на перетаскивание тела от стола к дивану.

Никогда. Никогда у меня такой Буренки уже не будет.

Вот такой плачь по кормилице получился. Аж самому противно стало.

[пауза]

*Йестердей энд дэй бефор,
Сан из колд энд рэйн из хард,
Ай ноу;
Бин зет вэй фор ол май тайм.
Тил фореве, он ит гоуз
Фру зе серкл, фаст энд слоу,
Ай ноу;
Ит кэнт стоп, ай вандерррр.
Ай вона ноу
Хэв ю эвер сшин зе рейн!
Ай вона ноу
Хэв ю эвер сшин зе рейн!
Каминдаун он э сани дэй?
Йе-е-е!*

[пауза]

Арина. Арина. Хорошее имя. Легкое, воздушное, как первые капли летнего дождя. Там, в кафе, когда она потянулась

к сумке, я решил, что за сигаретами. Но, выложив на столик мобильник, похожий на пудреницу, пудреницу, похожую на ракушку, бумажные салфетки, тушь для ресниц, похожую на шоколадку, и чего-то там еще в бумажных пакетиках, что быстро спрятала обратно, она достала небольшую черно-белую фотографию 10 на 15 и протянула ее мне.

А мне и брать ее не надо было, я и так ее узнал. Эту фотографию сделал я сам 30 лет назад, летом на берегу канала имени города-героя Москвы. Трое загорелых юношей стоят на бетонной плите у самой воды, приняв разные позы. Три моих школьных друга: Васька Сретенский, Марат Амелин, Ванька Солонov. Привет ребята.

Я спросил: ну и кто? Не очень вежливо конечно. Но как-то ничего другого в голову не пришло. Арина медленно собрала свои ак..., акк..., тьфу, клин, аксессуары обратно в сумочку и сказала спокойно, что не знает. Леха ей не сообщил. Может он сам не в курсе, может из вредности. Но, судя по его вчерашнему состоянию, просто дал фотографию и отключился от реальности. А кнопки "play" на нем нет.

И вот до чего мы договорились. Сегодня, да уже почти сейчас, Арина ко мне заедет. Ну почему. Потому. У нее-то машина на ходу, а я не могу каждый день героически продирается сквозь локти сограждан, в центр Москвы. Никаких сил, ни на что, после этого не остается. Приедет, мы с ней обсудим, что дальше делать и как. У меня к тому же и стимул есть. Может, о Лехе что-нибудь узнаю. Эк... Экк... Эхкс-

КЛЮЗИВНОЕ.

[пауза]

А теперь обращение к тем, кто знает ответы. Остальным просьба не беспокоиться.

Вопрос: я что, прозрачный?

Мой рост 185 сантиметров. У меня 52-й размер не самой дешевой одежды, 43-й размер ворота и 43-й же – обуви. Плохо ли хорошо, но я прожил больше 40 лет. Что-нибудь эти цифры значат? Хорошо. Ладно. Я занимаю, не знаю кем, но определенное место в обществе. Мою колонку читают. Читают, я слышал это сам.

Так вот, формулирую тот же вопрос чуть иначе: если я торчу у вас под носом, пусть даже молча, в течение 15 минут, можно этот факт оставить без внимания?

Тогда почему ни одна продавщица, ни в одном магазине, даже в тех, где продавцам полагается прилипнуть к клиенту, так, чтобы их отрывали, как наклейку, при выходе, ни одна из них не видит меня, переминающегося с ноги на ногу в тридцати сантиметрах от нее? Она будет выкладывать свой кефир, пока не кончится прилавок, потом что-то писать замусоленным карандашом, в засаленной тетради, потом уйдет, вернется, отвернется, повернется, сизой горлицей взовется... И всего на шестнадцатой минуте ожидания я вдруг обретаю массу и вес, становлюсь, наконец, видимым и слы-

шу заветное: «Говорите».

Ну, я и сказал.

А теперь мне бы все-таки хотелось услышать ответ на простой вопрос: мне когда-нибудь удастся получить свой кефир просто так, за деньги, а не за 15 минут унижений? Что-то не вижу поднятых рук. Ладно, пусть это будет вашим домашним заданием. Но в пятницу я бы хотел услышать ответ. От каждого.

[пауза]

Нет, ну ладно, продавщица тупая тетка без мозгов. Но двери? Двери самозакрывающиеся в магазинах! Они-то, почему у меня перед носом закрываются?

[пауза]

Артишок, род многолетних трав, семейства сложноцветных. Свыше 10 видов, главным образом в Средиземноморье, Индии и еще Зуй знает где. Артишок Испанский и Артишок Настоящий (он же колючий и посевной) – овощные культуры. В утолщенных цветоложах полным-полно сахара, белка, витаминов: С, В, и ароматических веществ. Последние у Ле-хи пока не проявились. Из семян можно давить масло, если кому это придет в голову. Урожайность соцветий 50 – 250 центнеров с гектара. А если с площади дивана посчитать?

[пауза]

Что я помню о Лешке Сербове

Во-первых – сопли. Он пришел к нам во втором классе, быстро освоился и всегда был в центре событий. Но я никак не мог приучиться смотреть ему в лицо, потому что из носа у Лехи постоянно вылезали две зеленых гусеницы. Он втягивал их внутрь, но упрямые червячки снова и снова ползли к верхней губе. Через год все прошло.

Еще он был светловолос, вихраст, курнос. Очень быстро бегал и не только на физкультуре. На переменах Леха был везде и нигде, все знал, все видел, со всеми разговаривал.

Друзей у него не было. Ну, то есть постоянных. То с одними дружит, то с другими. Нашей компании он не подошел, не скажу почему. Не то чтобы это была страшная тайна. Просто не помню. И он не помнил, когда мы встретились с ним лет через пятнадцать после школы, на верни... ну на выставке какой-то.

А в седьмом классе к нам попал второгодник Генка Шпиндин. Очень авторитетный. Уроки не учил принципиально, в футбол и волейбол играл лучше всех, кроме Марата, конечно. Леха с парой ребят к нему и прибился. Одно яркое воспоминание с ним связано. На первый же урок физкультуры в восьмом классе команда Генки вышла в футболках, распи-

санных Лехой. Это в те времена, года футболку можно было в магазине купить только случайно и то белого или синего цвета, без надписей, без ничего. Белого и синего.

Они появились вчетвером, в синих футболках, расписанных черными и белыми кляксами. Девушки-гимнастки послушно встали на уши. Все остальные (ну, то есть мы с Васькой Сретенским) растеклись по полу потоком завистливой желчи.

Это был первый авангардистский проект Лехи Серба. Его первый успех.

А потом он ушел из нашей школы. Родители переехали. Лет через пять или шесть, кто-то мне сказал, что Леха женился. На Карине.

Ну, вот, пожалуй, и все пока. Да еще. Уже лет десять мы встречаемся с периодичностью не реже, чем раз в полгода. Мы играем в преферанс. Кстати, чаще всего, в его мастерской. Правила такие: никаких разговоров на личные темы. Футбол, сравнительные достоинства марок пива – до игры. Книги, кинофильмы – после. Все. Я знаю, что Леха не болельщик, но игры сборной смотрит. Пиво – Гиннес. Книги – биографии и мемуары. От современного кино его тошнит. Любит старые советские комедии. Но что интересно: ни одной «убойной» фразы ни из одного фильма он запомнить не сумел. Скажешь ему в пятьдесят третий раз: «Семен Семеныч!», – он в пятьдесят третий раз не понимает в чем дело. Зато точно помнит, на какой машине ездил главный злодей

в «Брильянтовой руке». И все номера «Волг», украденных Юрием Деточкиным. Один раз на спор их назвал.

Да я из такого материала четыре интервью сделаю, хоть сейчас. За пивом только схожу... Нет нельзя. Ну и писать тогда не буду! Сегодня.

[пауза]

*Йестердэй, зере воз со мэни сингс
Ай воз невер толд
Нау зет айм стартин ту лёрн
Ай фшил айм гроувин олд
Кооз йестердэйз гот насин фор ми
Олд пилчерз зет айл олвайз си...*

[пауза]

Все-таки я осел. Вот только сейчас меня осенило. Нет, не то что осел, это я и раньше знал, а то, что Карина ведь где-то кем-то работает. Что-то Лешка говорил об этом между первыми и вторыми распасами. Галерея, что ли какая...

И воот, как любит говорить моя Ленка, я влез в паутину и набрал: Карина Сербова. Вылез вот такой вот Зуй. Нет такого словосочетания ни в одной поисковой системе. «Сербова» – это выставка актуального художника Сербова, которая открывается через неделю в модной галерее «Art и шок». Ну и еще 11145 упоминаний его выставок, акций и интервью.

А вдруг Карина не брала фамилию мужа, а живет под девичьей? Какая-то у нее фамилия была такая, дразниться было удобно в пятом классе: уж-замуж-невтерпеж, что-то в этом роде. Ужанкова, вот какая! Ну вот, другое дело: Карина Ужанкова, искусствовед, куратор галереи «Art и шок».

Зашел я на сайт галереи. Тот не обновлялся уже месяц. Последнее что выложено – интервью Карины в журнале «Фигура». Ну, что ж, почитаем:

Вопрос: Галерея «Art и шок» с момента ее создания ориентирована на актуальное искусство в его крайних формах, что, видимо, отражено в ее названии. Это так?

Ответ: Пожалуй, да. Актуальное искусство может существовать только в ситуации крайнего напряжения. Шок – единственно возможная форма его бытования.

В: В этом его смысл?

О: Никакого смысла в актуальном, как, впрочем, и в традиционном искусстве людям до сих пор отыскать не удалось. Традиционные художники утверждают, что им смысл творчества ясен. И лгут. Или себе или всем остальным. Актуальные – что находятся в поиске. Иногда это бывает правдой. Вот и вся разница. В современном художественном пространстве поиск возможен только на территории, находящейся за гранью...

В: За гранью чего. Эстетики? Морали?

О: Совсем не обязательно. Выйти за грань морали проще всего. Но самое интересное, что это-то как раз не шокиру-

ет. Просто потому, что все и каждый знают, что значит быть аморальным и как им стать. Выйти за грань привычного таким образом, чтобы никто представления не имел, как и почему это сделано – вот дорога к обретению новых смыслов. И именно это становится шоком для своего времени.

В: Я правильно вас поняла? Творчество новаторов и традиционалистов в равной степени бессмысленно?

О: Для людей – да.

В: А для кого – нет?

О: Ну хотя бы для художника. Публике всегда нравится позавчерашний день. Хочешь заработать – воспроизводи уже существующие формы в их комплиментарном варианте. Хочешь стать богом – твори свой мир.

В: Стать богом – это не слишком?

О: Ну для кого как.

В: Ну хорошо. А для кого еще искусство имеет смысл?

О: Для богов, конечно.

В: Пожалуй, выберем новый ракурс беседы. Позиционируя себя в качестве галереи актуального искусства, Вы и ваша команда работаете только с традиционным материалом: живопись, пластика. И никогда не представляли публике самых современных форм, таких например, как видеоарт. Это ваша принципиальная позиция или так получалось само собой?

О: Да, это для меня принципиально. Искусство существует во множестве форм, в том числе и еще не родившихся. Но

галерея «Art и шок» предназначена для тех из них, в которых происходит прямой контакт руки и материала.

В: Искусство «Hand made»?

О: Наверное, можно и так сказать. Для галереи важна вещьественность размещаемых арт-объектов. Не будем забывать, что галерея – коммерческое предприятие. Мы торгуем предметами актуального искусства. И для нас важно, что продаваемые нами артефакты не подлежат тиражированию. Они уникальны, принадлежат в буквальном смысле руке того или иного автора.

В: Но не так давно Вы выступили в качестве куратора нашумевшего проекта «Брысь!». Что там было продавать, ведь все сторело. Или это был чисто семейный проект, не имеющий отношения к галерее?

О: «Брысь!» не был коммерческой акцией, хотя черты имиджевой стратегии автора в нем конечно просматриваются. Но я взялась за продвижение проекта не по семейным мотивам, а потому, что увидела в нем актуальный художественный жест, точно отражающий позицию художника по отношению...

В: К обществу?

О: Скорее к самому себе.

В: Можно об этом чуть подробнее?

О: Пожалуйста. Все, что относится к изобразительной стороне проекта не очень ново. Все это лежит в плоскости экспериментов со зрительными эффектами, имеющими давнюю

историю, вспомним хотя бы имена Джузеппе Арчимбольдо, Жоржа Сёра с его дивизионизмом, пуантилистов, Дали. Ничего нового художники не предлагают уже очень давно...

В: Надеюсь, мы еще поговорим об этом.

О: Хорошо. Так вот ценность проекта «Брысь!» не в использованной технике, а в последовательности его воплощения, отсылающей зрителя к давней литературной традиции, связанной в России с именем Гоголя.

В: Вы имеете в виду то, что Гоголь сжег второй том «Мертвых душ»?

О: Жечь произведения искусства время от времени необходимо. Но речь не только и не столько об этом. Давайте вспомним, что, по Гоголю, кошка, скачущая на горящей крыше – образ черта. И когда я вспомнила о Гоголе, то в первую очередь имела в виду, что мир, проступающий сквозь образы повседневности – это мир тайных, но подлинных источников бытия. Проект «Брысь!» литературен именно в этом смысле.

В: Вы говорите о символичности в искусстве?

О: Ну, если хотите.

В: Вы руководите галереей 15 лет. Повод для юбилея.

О: Нет. Скорее повод для серьезных перемен.

В: И в чем же они будут состоять?

О: Я убедилась в том, что деятельность, которой мы занимались все эти годы, ведет в тупик. Индивидуализация каждого художественного акта достигла такой степени, что произведения актуального искусства не интересны никому, кро-

ме самого автора и узкого круга его недоброжелателей. Да и понятны они могут быть, лишь в контексте биографии самого художника. Концептуальные произведения требуют все меньше «рукозатрат» и все больше слов для их объяснения.

В: Но это – общемировая тенденция в развитии всех пластических искусств. Разве с этим можно что-то поделать?

О: Не знаю, удастся ли что-нибудь сделать. Но мы будем пытаться влиять на художественный процесс.

В: Каким образом?

О: «Искусствомира» – последний авторский проект в нашей галерее. Следующие два проекта имеют совсем иную основу.

В: Что же меняется?

О: Мы исходим из того, что индивидуальное высказывание художника в современном мире не имеет эстетической ценности. Условную ценность ему придает сообщество экспертов, назначая тех или иных художников гениями. Другими словами, художественную ценность имеет сама личность творца, а не создаваемые им объекты. Нам бы хотелось изменить эту ситуацию в корне.

В: То есть...

О: То есть изменить ситуацию, когда художник, сам выбирая цель, место и способ высказывания, кричит в пустоту. Мы хотим вернуть эстетический смысл вещам, создаваемым рукою творца. А для этого необходим период вторичности эстетического по отношению к практическому и доброволь-

ного отречения художника от полноты своего «Я».

В: То есть вы хотите обратиться к дизайну.

О: Ни в коем случае. Мы предлагаем вернуть картинам и скульптурам их предназначенность к действию.

В: ...?

О: В истории человечества только в течение двух, сравнительно небольших периодов, искусство существовало само по себе, для наслаждения. Первый раз – в эпоху эллинизма, когда искусство сбросило с себя и религиозные и гражданские функции, выполняемые им в классическом античном полисе. Второй период начался в XIV веке. В девятнадцатом столетии искусство стало рассматриваться как способ самовыражения личности. Но к концу века двадцатого этот подход себя полностью исчерпал. Сейчас необходимо вернуться к безличностному, функциональному искусству, каким оно было, в Египте, в гомеровской Греции, в европейском средневековье.

В: Зачем?

О: Только на этом пути возможно возрождение утраченных эстетических смыслов. Если хотите, искусству нужен период восстановления, реабилитации. Безличностность – лекарство.

В: И как же вы намерены его применять?

О: Объясню на примере двух проектов нашей галереи, находящихся на подготовительной стадии. Проект первый – «Деисус». Мы заказали двенадцати актуальным художни-

кам иконы деисусного чина. Выразительные средства – на их усмотрение. Наше условие – работа должна быть написана красками на доске и не должна быть подписана. Все иконы становятся собственностью галереи.

В: Вы не боитесь обвинений в провокационности своей затее, по отношению к чувствам верующих?

О: Нет. Боятся того, чего не знают. А тут все известно. Такие обвинения будут обязательно. Но что поделать, если те, кто себя именуется православными, не видит в своей вере места живому искусству, предпочитая жить в гробнице? А ведь совсем недавно, актуальным художникам, ломавшим древние каноны, церковь, и государство отдавали под роспись самые главные храмы. Я имею в виду Феофана Грека, Андрея Рублева. Да и Врубеля тоже. И Петрова-Водкина.

В: А почему работы не должны быть подписаны?

О: Во-первых, этого требует традиция иконописания. А во-вторых, настаивая на анонимности художников, галерея берет на себя все возможные упреки в провокационности их работ. Мы готовы потерпеть, помня о том, что презираемое и оплевываемое произведение может со временем быть осознано, как величайшее творение духа. Ведь те, кто кричит и плюет – всего лишь люди.

В: Но приобретение 12 произведений актуального искусства потребует немалых затрат. У вас есть спонсоры?

О: Нет, все окупит, и я даже бы сказала, уже окупил второй наш проект. Он более коммерческий, хотя и находит-

ся в русле нашей новой художественной стратегии. Мы готовим выставку надгробий, изготовляемых лучшими российскими и зарубежными скульпторами для заказчиков из нашего списка.

В: Заказчики живы?

О: Разумеется. И я не вижу в этом ничего странного. Мог же Франческо Пикколомини заказать себе надгробие у Микеланджело. А в нашем списке есть люди и побогаче папы римского.

В: И кто эти заказчики?

О: Этого я вам сейчас не скажу. Дело в том, что по условиям договора, заказчик, заплатив аванс, получает право на модель надгробия. Образ надгробия будет формироваться в общении скульптора и заказчика, но все его черты, от общего замысла до деталей должны стать является плодом творческих усилий автора и только его. Поэтому тот из заказчиков, кому не понравится макет его надгробия, имеет право отказаться от дальнейшего сотрудничества с автором ограничившись лишь выплатой аванса. Тогда макет сможет выкупить любой желающий. Поэтому на выставке будут представлены модели надгробий в виде авторских работ. Имена же заказчиков будут обнародованы только по их желанию. Могу лишь сказать, что в первом списке из двадцати с небольшим фамилий есть люди бизнеса, поп-культуры, два губернатора, министр, несколько депутатов.

В: Вы уверены в успешности вашей новой стратегии?

О: Коммерческая успешность не подлежит сомнению. Прибыль от второго нашего проекта с лихвой покрывает возможную затратность первого. Ведутся переговоры даже о создании при галерее отдельного структурного подразделения, так много сегодня желающих войти в проект в качестве заказчиков. Да и в качестве исполнителей тоже. Что же касается успешности в решении художественных задач, то давайте поговорим об этом лет через пятьдесят. А лучше через сто пятьдесят. Тогда все будет видно немного яснее.

[пауза]

Честно говоря, не понял я ничего в этом интервью. Индивидуализация художественного акта. Тьфу!

[Три слова неразборчиво – Составитель.]

Видно, что Карина произдевалась вволю над корреспонденткой. Но та сама виновата: вопросы толком не придумала, отдала инициативу собеседнику... Да и для редактора там еще осталось работы – поле непаханое. Но вот сквозная тема: люди, боги, снова люди – она мне знакома. Что-то такое вещал мне Васька Сретенский, потягивая джин-тоник. Да я не слушал толком. Я как раз мясо готовил в горчице, укропе и белом вине.

[Из файлов Василия Сретенского]

Зачем богам люди?

В главе семнадцатой Книги Бытия один из ханаанейских богов, (имя его неизвестно, но мы привыкли называть его Бог, Господь, Яхве, Элохим или Саваоф) обращается к Аврааму с речью. Вот ее начало: «Я Бог всемогущий, ходи передо мною и будь совершен». Далее Яхве предлагает Аврааму договор (завет) содержащий взаимные обязательства. Суть договора, его цели и последствия удобно рассматривать в другом месте. Здесь же зададимся вопросом: зачем Яхве нужен Авраам? И шире: зачем богам Древнего мира нужны люди?

Боги тесно связанных друг с другом народов мира Средиземного моря (то есть боги Египта, Месопотамии, Греции), на первый взгляд кажутся вполне самостоятельными. Поколения богов враждуют друг с другом: старшие боги порождают, потом поедают младших, младшие свергают старших. Боги вступают в браки, изменяют супругам, ссорятся, сплетничают, собираются на совет, пируют, веселятся, строят себе дворцы, воюют. Цивилизация богов кажется вполне успешной. Но в какой-то момент боги создают людей. Зачем?

<люди должны трудиться>

В шумерских мифах (а они древнейшие для той части че-

ловечества, который мы здесь назвали миром Средиземного моря) есть простой ответ на этот вопрос:

*Мардук, речи богов услышав,
Сердцем задумал искусное сделать,
Уста открыл он и молвит Эйе,
Что в сердце задумал, в уме замыслил:
«Кровь соберу я, скреплю костями,
Создам существо, назову человеком.
Воистину я сотворю человека.
Пусть богам послужат, чтоб те отдохнули».*

(«ЭНУМА ЭЛИШ»

Поэма о сотворении мира. Таблица VI.)

В другом мифе, изложенном в поэме, получившей название «Сказание об Атрахасисе», история о сотворении людей изложена более подробно. Начинается поэма так:

*Когда боги, подобно людям,
Бремя несли, таскали корзины,
Корзины богов огромны были,
Тяжеск труд, велики невзгоды.
Семь великих богов Ануннаков
Возложили бремя труда на Игигов.
Был Ану, отец их, вышним владыкой,
Их советником – воитель Энлиль,
Их управляющим был Нинурта,
Их надсмотрщиком был Эннуги.*

Боги Игиги, за две с половиной тысячи лет тяжкого труда, возвели правящим богам дворцы, выкопали реки Тигр и Евфрат. Но вот некий, не названный по имени «предводитель» Игигов, собирает их и произносит речь:

*«Неправедно был назначен Энлиль!
Его заменим, другого назначим!
Он, советник богов, воитель!
Пойдем, разыщем его жилище!
Энлиль, советник богов, воитель!
Пойдем, разыщем его жилище!
Ныне ему объявляем войну!
Сражение да столкнется с битвой!»*

Далее в поэме описывается бунт Игигов: они сожгли свои мотыги и корзины, и бросились к дворцу Энлиля «в середине стражи, в самую полночь». Спешно собранный совет старших богов обсуждает создавшееся положение. Бог Анну:

*«За что мы к ним питаем злобу?
Их труд тяжел, велики невзгоды.
Каждый день они носят корзины,
Горьки их плачи, их стенанья мы слышим.
Да создаст праматерь род человек,
Время богов на него возложим»,*

Бог Эйа «открыл свои уста»:

*«За что мы к ним питаем злобу?
Их труд тяжел, велики невзгоды.
Каждый день они носят корзины,
Горьки их плачи, их стенанья мы слышим.
Пусть Ануннаки пред тобою воссядут,
Белет-или, праматерь богов, предстанет,
Пусть она сотворит человека,
Бремя богов на него возложим,
Труд богов поручим человеку,
Пусть несет человек иго божье!
Когда Белет-или, праматерь, предстанет,
Да сотворит праматерь потомство,
Корзины богов – носить человеку!»*

Шумерскому мифу вторит хеттский, хотя ситуация здесь иная. Люди уже сотворены и успели чем-то сильно насолить богам. Верховный бог Кумарби собрал всех остальных богов на Совет и объявил о своем решении уничтожить род людской. Ответ ему дал бог Эйя, бог плодородия, мудрости и знаний. Люди приносят жертвы богам, те пируют и веселятся, говорил Эйя. Истребив людей, боги сами должны будут пахать землю, выращивать зерно, молоть муку и печь хлеба. Измени свое решение, призвал Главу Совета бог-мудрец, или же ты Кумбари, «будешь щелкать зубами, как голодный волк». Так завершил свою речь бог Эйя, которого в Месопотамии почитали, как бога-покровителя всего человечества.

Итак, мы видим, что в мире Средиземноморья на людей

были возложены две главные обязанности: трудиться за богов и приносить жертвы. Если люди не выполняют своих обязанностей, богам становится плохо, как это случилось с египетским Атумом. «Я плаваю в воде очень усталый, – жалуется он богу Нуну, – потому что люди ленивы». Если люди поклоняются своим богам – те радуются как дети, смеются и рукоплещут, как это случилось в Египте, когда фараон Тутанхамон отменил культ Атона, единого бога и повелел восстановить храмы всех прочих богов, пришедших в запустение в период правления предшественника Тутанхамона – фараона-реформатора Эхнатона.

<труд богов>

Так, что же, пока люди трудятся в поте лица своего, боги могут отдыхать, петь, веселиться? Как бы не так. Тут более всего подходит пословица: «не было у бабы хлопот, купила баба поросся». Что делают боги всю последующую историю, после сотворения людей? Перечислим по порядку. Боги выявляют судьбу человека при его рождении. Они покровительствуют людям, живущим в определенной местности, занятым в той или иной сфере человеческой деятельности или попадающим под «юрисдикцию» бога, связанного с тем или иным состоянием человека. Наконец – судят человека, после его смерти, определяя его посмертную судьбу.

Возьмем для примера не самого известного египетско-

го бога Шаи, одного из помощников бога Тота. Чем он постоянно занят? Каждый день рождаются люди – Шаи должен узнать какова их будущая судьба и сколько лет, часов и минут каждому из них предназначено прожить. Затем надо обо всем этом доложить Совету богов, так что утро каждого дня просьба не занимать. Хорошо. Сбегал, узнал, доложил. Тут наступает время обеда, а Шаи, по своему происхождению, бог виноградной лозы, соответственно – бог винопития, довольства и удачи. Не присутствовать на пиршествах он не может. Время расписано по минутам, пиршеств много, все они должны пройти в соответствии с правилами. Вечер. Можно расслабиться, снять сандалии, слегка распустить узел набедренной повязки? Как бы не так. Люди умирают, ведь, правда? Иногда прямо на пирах. Но дело не в этом. Шаи докладчик в Совете богов по исполнению умершими людьми собственных судеб. Это значит – трудиться ему до утра. А тут уже и новые человечки народились. И это ему еще повезло в том, что центром его культа был лишь маленький городок Шасхотеп. Не так уж много людей обращались к нему с просьбами, по поводу плохой погоды, отсутствия денег, плохого настроения и прочих мелочей. А вот Осирису в одном из гимнов приписывается покровительство нескольким городам:

*«Ты – властелин Бусириса,
Летополя господин,*

*князь божественных трапез
в Гелиополе – граде.
Господь, тебя поминают
в Чертоге Двух Истин: ты —
владыка Элефантины
и Мемфиса повелитель».*

Ему – Осирису – не отвертеться, уж коль поминают в Бусирисе, Летополе и Геолиополе, будь добр покровительствуй. А каково Афине? Богиня-воительница занята постоянно: кто-то где-то всегда воюет. Но ведь надо одним глазом и за учеными присматривать, она же богиня мудрости. А Афины? Представляете сколько хлопот с городским управлением?

А бог Гермес... Попробуйте помотаться туда-сюда с поручениями старших Богов, согласовывая на ходу интересы торговцев и воров? Подумать страшно, сколько у него должно быть мобильников, оставайся он действующим богом в наше время!

Если вы думаете, что я сгущаю краски, то перечитайте на досуге гимн богу Атону, тому самому, культ которого насаждал в Египте фараон Эхнатон, вместо культов всех остальных богов. Есть в этом гимне такие слова: «Ты каждому человеку назначаешь его место. Ты делаешь то, что требуется им. Каждый имеет свою пищу, и отмерены их жизни». Обратите внимание на основной мотив гимна: «ты даешь то, что требуется им», то есть людям.

Не удивительно, что с созданием первых людей история цивилизации богов заканчивается. Начинается совсем другая – история взаимоотношений людей и богов, история потопа и Вавилонской и Башни, Илиады и Одиссеи, история Гильгамеша и Иштар, Яхве и Авраама со всем его потомством.

Боги попали в зависимость от людей. Да, люди трудятся и приносят жертвы богам. Но в ответ донимают богов бесчисленными просьбами и требуют ответных действий, часто прося противоположного тому, о чем только что молил сосед. А ведь каждая принесенная жертва должна быть принята, иначе следующей может и не быть.

<жертва>

Жертва – главный акт, связующий человека и бога. В Шумерской сатирической поэме «Раб повинуйся мне» есть интересный фрагмент:

«Раб повинуйся мне!» – «Да, господин мой, да»
«Поскорее неси мне воду для рук, ее полей мне,
Совершу я жертву своему богу!» – «Соверши,
господин
мой, соверши.

Кто совершает жертвы своему богу, у того хорошо на сердце, один заем за другим дает он».

«Нет, раб, не совершу я жертвы!»

«Не совершай, господин мой, не совершай.

Приучишь ли ты своего бога ходить за тобой, как собака,

«Раз он требует от тебя то обрядов, то послушанья, то еще чего».

Давайте же разберемся, что представляют собой жертвы богам. Считается, что боги должны есть много жареного мяса. Это так и не так.

Так. Один из сорока двух грехов, от которых необходимо было откреститься на суде Осириса, был таким: «Я не нарушал времени жертвоприношений отборного мяса». Яхве, при заключении договора с Авраамом требует себе трехлетних телушку, козу, овна и голубя. В поэме «О все повидавшем» (другое название: «Эпос о Гильгамеше») друг главного героя – Энкиду – видит сон, в котором приносят жертвы богам:

«В Доме праха, куда вступил я,
Видел я царей, венец сложивших,
что в прежнее время владели землю, —
Они образ Ану и Энлиля, —
им ставят жареное мясо,
Печеное ставят,
холодным поят – водою из меха».

Не так. Существует миф о том, как Зевс договорился с Прометеем, защитником людей, какая часть жертвенного

животного, будет принадлежать богам. Зевс предложил Прометею разделить тушу быка на две части, а за собой оставил право выбора. Прометей отделил мясо от шкуры и костей. Мясо он вложил в дурно пахнущий желудок быка, а кости и жилы завернул в шкуру. Зевс выбрал ту часть, которая выглядела больше и лучше пахла, то есть шкуру, кости и жилы. Именно эту часть жертвенных животных и приносили богам, то есть сжигали на алтарях. Но так ли были обижены этим греческие боги? Они ведь питались амброзией и нектаром, им жареные телята и ягнята не нужны.

Боги Месопотамии тоже ели не мясо, а особую «пищу жизни». Ее предлагал бог Анну мудрецу Адапе в одном из Аккадских мифов. Им, также, как богам Греции, важно было не мясо как таковое, а то, что мясо жарят. Вдыхая запах «воскуряемой» (то есть в точном соответствии со значением слова «кур» – поднимающейся в небо дымным столбом) жертвы, боги знают, что люди сейчас их почитают. Каждый столбик дыма – четкое указание на то, какому богу посвящены чувства, приносящих жертвы людей. Таким образом, именно воскурение составляет основной смысл жертвы. А не еда.

В качестве примера такого воскурения приведем обряд жертвоприношения, совершенного героем Урука Лугальбандой, молившего о возвращении ему здоровья, утраченного в военном походе на город Арату:

«На самом восходе Уту-солнца Лугальбанада имя Энлиля

призвав, Анна Эндлия, Энки, Нинхурсаг, он их приглашает к пиру. Там в горах, где он выбрал место, жертвенный пир он устроил. Он излил там возлиянья, пиво черное, медовуху, вино, что на вкус для питья столь сладко; в поле, словно воду прохладную излил он. В пестрого козла нож вонзил он. Печень, черный хлеб в огонь он бросил. Воскуренье черным дымом, словно фимиам, взлетело. Затем доброму жиру, дару Думмузи, дал он вытечь. Из этих приношений Лугальбанды Ан, Энлиль, Нинхурсаг, все лучшее они вкусили».

И что же, позвольте спросить, они вкусили «из этих приношений»? Пиво, мед, вино, впитавшееся в землю? Печень и черный хлеб, обратившиеся в дым? Вытекший жир? Или мясо козла, зажаренного Лугальбандой?

Да, при воскурении дыма и запаха остается жареное мясо. Ведь животных – телят, ягнят, козлят, птицу и почую живность – в храмах регулярно закалывают и жарят. Боги, как мы выяснили, это мясо не едят. А кто ест? Ответ простой, хотя и может показаться загадкой. Что делает жнец? – Жнет. Что делает швец? – Шьет. А что делает жрец? Еще раз, крупно: ЖРЕЦ?

Боги не едят человеческой пищи. Жрецы же, насыщаясь, совершают символический обряд кормления богов. И не только жрецы. Каждый человек ел мясо для собственного бога. Вот характерный отрывок из уже цитированной выше поэмы «Раб повинуйся мне!»:

«Раб повинуйся мне!» – «Да, господин мой, да»

«Принеси-ка воды мне для рук, полей мне ее, обедать я буду!»

«Обедай, господин мой, обедай.

Частая еда облегчает сердце,

Обед человека – обед его бога, к вымытым рукам благосклонен Шамаш».

Кстати, вопрос о том, можно ли есть мясо жертвенных животных, стал одним из наиболее обсуждаемых среди христиан в эпоху апостолов. Ему посвящены несколько строк 14 главы Послания апостола Павла к римлянам и вся восьмая глава Первого послания к коринфянам. Вот важный для нас фрагмент:

«Итак об употреблении в пищу идоложертвенного мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого.

Ибо, хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, – так как есть много богов и господ много,
—

Но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им.

Но не у всех такое знание: некоторые и донныне с совестью, признающею идолов, едят идоложертвенное, и совесть их, будучи немощна, оскверняется (...)

И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего».

(1 Кор. 8; 4–7,13.)

<хлеб и дерево>

Помимо мяса, жертвой богам являются хлеб, елей и древесные «воскурения». Почему? Ответ будет, но не сразу. Сначала – примеры. У Гомера троянцы, решив, по совету Гектора, умиловать перед битвой богов, приносят им совместную жертву:

«... из града и тучных волов, и упитанных агниц
К рати поспешно пригнали, вина животворного,
хлебов
В стан принесли из домов, навлачили множество леса
И сожигали полные в жертву богам гекатомбы.
Их благовонные ветры до небес возносили
Облаком дыма ...»

(Илиада. Перевод Н. И. Гнедича)

Теперь возвратимся вновь, на минуту, к истории восстановления многобожия в Египте, при Тутанхамоне. Вот как это происходило:

«И его величество сделал памятники богам,
сотворив их идола из настоящего электрона из
лучшего, что имеется в чужеземных странах, строя
их покои заново в виде памятников вековечных,
благоустроенных на потребу вечности, принося им
жертвы в виде ежедневных жертвоприношений,
поставляя их жертвенные хлеба на земле.

<...>

Он наполнил их службы рабами и рабынями

<...>

Были увеличены дары всякие для храмов, причем они были умножены втрое и вчетверо в серебре, золоте, лазурите, бирюзе, всяких ценных камнях, белой ткани, тонком полотне, оливковом масле, смоле, жире, ладане благовониях».

Другой пример того же ряда: эпическому герою Вавилона Гильгамешу пришлось отбиваться от притязаний влюбленной в него богини Иштар. Вот часть его речи, обращенной к богине:

«Я дам тебе платьев, еляя для тела,
Я дам тебе хлеба в пропитанье и в пищу,
Накормлю тебя хлебом, достойным богини,
Вином напою, достойным царицы,
Твое жилье пышно украшу,
Твои амбары зерном засыплю,
Твои кумиры одену в одежды,
Но в жены себе тебя не возьму я!»

Интересно, что сведения о жертвенных предметах, почерпнутые из литературы Египта, Вавилона, и Греции полностью подтверждаются хозяйственными записями, найденными в развалинах дворцов Крита и Пелопоннеса конца второго тысячелетия до рождества Христова. В этих записях указываются приношения богам (Зевсу, Посейдону, Афине, другим, мене известным, Владычице Лабиринта, например) и их храмам. Среди этих приношений: ячмень, мед, смок-

вы, шерсть, «масло с камышом», «масло с эритием», «масло с камышом и эритием», золотые сосуды. Указано также, зачем приносится в дар масло: «для промасливания одежд», «для очищения трона», «оливковое масло для натирания». Несколько раз в качестве дара указана женщина. Мясо животных и птиц не значится. Но, правда, на Крите в ту эпоху приносили и поедали человеческие жертвы.

А вот еще один пример: жертвоприношение Иофора, священника Мадиамского, на чьей дочери был женат Моисей: «И принес Иофор, тесть Моисеев, всесожжение и жертвы Богу: и пришел Аарон и все старейшины Израилевы есть хлеба с тестем Моисеевым перед богом».

Теперь попробуем ответить на вопрос, почему, помимо мяса, главными видами жертвоприношений были свежееиспеченный хлеб, и благовония. На наш взгляд все дело в «воскурении» или, проще говоря, в приятном запахе. Именно запах жертвы привлекает богов. В беседе с Гильгамешем Утнапишти, шумерский аналог Ноя, человек, выживший в потопе, устроенном богом Энлилем, рассказывает о своей первой «послепотопной» жертве богам:

«Я вышел, на четыре стороны принес я жертву,
На башне горы совершил воскуренье:
Семь семь поставил я курильниц,
В их чашки наломал я мирта, тростника и кедра.
Боги почуяли запах,
Боги почуяли добрый запах,

Боги, как мухи слетелись к приносящему жертву».

Жертва-воскурение означает, что человек почтителен к тому или иному богу или ко всем богам вместе. Почтение – вот главная жертва. И Яхве, заключая договор с Авраамом, говорит тому «ходи передо мной» (то есть почитай меня), а жертвенных животных сам сжигает, пустив дым и пламя «как бы из печи».

<почитание>

Итак, жертва – только лишь удобная форма почитания, концентрация чувств почтения, уважения, любви и страха, испытываемых людьми. Именно чувства людей нужны богам, а не хлеб и мясо как таковые. Вопрос: ты меня уважаешь? – обращенный богом к человеку в Древнем мире, отнюдь не комичен. Порой он прелюдия к началу разного рода ужасных деяний. Так в Египетском мифе о попытке Ра истребить людей говорится буквально следующее:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.